

Выражение используется при высмеивании ленивого человека.

Шеме – да шеремет, ошо – да керемет. *Шеме – да сай, ошо – да уда.* (Не всё то золото, что блестит). Такими словами отвечают на выражения, оскорбляющие чёрный цвет [3, с. 282-283].

Эпитет как самый востребованный вид тропа также нашел применение во фразеологии марийского языка. В роли эпитетов, как правило, употребляются прилагательные, обозначающие чёрный цвет: *шем кече* (чёрный день), *шем күч нарат* (ни с (на) чёрный ноготок), *шем чодыра* (неясность, тёмный лес), *шем чон* (чёрная душа), *шем шүргө* (чёрное лицо, бесстыдник), *шем мотор юдыр* – *чоя юдыр* (смуглая красивая девушка – шустрая девушка).

Фразеологические единицы с компонентом черного цвета в обоих языках имеют ярко выраженную негативную оценку и соотносятся с такими понятиями, как «неудача», «зло», «тоска». Чёрный цвет поглощает все остальные цвета и негативно воздействует на психику, настроение человека, но, возможно, именно эта ярко выраженная негативная энергия и стала причиной того, что в мышлении человека с черным цветом прочно связалось все плохое, безрадостное. Это, конечно, нашло отражение в разных языках и культурах.

В целом, результаты анализа фразеологических единиц дают основание сделать вывод об аксиологическом потенциале русской и марийской фразеологии. Оценка во фразеологии всегда антропоцентрична, т. е. ее объектом является человек в его повседневной деятельности. Фразеологизмы с компонентом цвета содержат в своей семантике национально-культурный компонент. В них сохранились этнокультурные традиции, следы поверья, поэтому можно проследить развитие этических норм как в прошлом, так и в настоящем, определить

особенности менталитета народа и выявить его языковую картину мира.

Итак, в результате проведенного исследования можно сделать вывод, что особенностью семантики колоринима чёрный во фразеологических единицах русского и марийского языков является отсутствие бинарной аксиологической оппозиции, так как данное цветообозначение чаще всего в обоих рассматриваемых в исследовании языках имеет негативную, отрицательную оценку.

Список литературы:

1.Грачёва Ф.Т. Марий фразеологий мутер: Тунемше-влаклан пособий. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1989. – 328 с. [Gracheva F.T. Marii frazeologii muter: Tunemshe-vlaklan posobii. – Ioshkar-Ola: Marii kniga izdatel'stve, 1989. – 328 s]

2.Китиков А.Е. Марий калыкмут мутер. – Йошкар-Ола: Марий книга издательство, 1991. – 336 с. [Kitikov A.E. Marii kalykmut muter. – Ioshkar-Ola: Mariikniga izdatel'stvo, 1991. – 336 s.]

3.Крюкова Т. А. Марийская вышивка. – Ленинград, 1951. – 195 с. [Kryukova T. A. Mariiskaya vyshivka. – Leningrad, 1951. – 195 s.]

4.Лысова О. В., Абдуллина А. Ш., Гайнэтдинова Ф. М. Аксиологический аспект использования прецедентных текстов А.С. Пушкина в речи учащихся 7-9 классов// Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. С. 139-141. [Lysova O. V., Abdullina A. Sh., Gainetdinova F. M. Aksiologicheskii aspekt ispol'zovaniya pretsedentnykh tekstov A.S. Pushkina v rechi uchashchikhsya 7-9 klassov// Aksiologicheskie aspekty sovremennoy filologicheskikh issledovanii: tez. dokl. Mezhdunar. nauch. konf. (UrFU, 15–17 oktyabrya 2019 g.) / Ekaterinburg: Izdatel'skii dom «Azhur», 2019. S. 139-141].

УДК 1751
ГРНТИ 17.82

ОБРАЗ РУСАЛКИ В ДАТСКОЙ РОМАНТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Шкурская Екатерина Алексеевна
Канд.фил.наук, доцент кафедры русского языка и общего языкоznания,
русской и зарубежной литературы, г. Элиста,
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова
DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.7.75.879](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.7.75.879)

АННОТАЦИЯ

Целью данной работы является исследование образа русалки в датской романтической прозе первой половины XIX века. В соответствии с поставленной целью сформулированы следующие задачи: исследовать элементы романтической поэтики, составляющие структуру образа русалки; рассмотреть особенности функционирования образа русалки в датской литературе эпохи романтизма. Для достижения намеченной цели использовались описательный, сопоставительный методы, а также метод контекстуального анализа. Образ Русалочки в датской романтической традиции сочетает себе функционирование мифологических, романтических и индивидуально авторских мотивов, ценностное пространство сказки Г.Х. Андерсена выстроено в соответствии с христианской аксиологией.

ABSTRACT

The purpose of this work is to study the image of the mermaid in Danish romantic prose of the first half of the XIX century. In accordance with this goal, the following tasks are formulated: to study the elements of romantic poetics that make up the structure of the image of the mermaid; consider the features of the functioning of the

image of the mermaid in the Danish literature of the romantic era. To achieve this goal, we used descriptive, comparative, and contextual analysis methods. The image of the little Mermaid in the Danish romantic tradition combines the functioning of mythological, romantic and individual author's motives, the value space of the fairy tale by G. H. Andersen is built in accordance with Christian axiology.

Ключевые слова: романтизм, двоемирие, образ, русалка, водная дева, христианская аксиология.

Keywords: romanticism, duality, image, mermaid, Christian axiology.

В эпоху романтизма возникает большой интерес к сюжету о русалках.

Наиболее яркие образы мы встречаем в произведениях К. Брентано, Й. Эйхендорфа, Г. Гейне, Ф. де ла Мотт Фуке, Г. Андерсена, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, О.М. Сомова и др. Это объясняется тем, что фабульная конструкция сказаний о русалках наиболее близка миоощущению романтиков, так как позволяет обобщить и выявить онтологические, эзотерические, личностные и социальные проблемы.

Сказание о морских девах синкетично, потому что позволяет объединить основные ценности идеального романтического мира: любовь как высшее проявление человеческой личности, главная цель и смысл жизни (в сюжетах об Ундине водная дева могла обрести человеческую душу, если ее полюбит простой смертный). Природа воспринимается романтиками одухотворенно (русалки являются воплощением водной стихии). Романтики воспринимают музыку высшим видом искусства (музыкальность сюжетов проявляется в завораживающем пении русалки, которое является обязательной константой ее образа).

Романтическое двоемирие проявляется в параллельном существовании реального и вымышленного миров, принадлежности русалки водной и земной стихиям. Несмотря на разнообразие сюжетов о водных девах, в фабульной конструкции о русалках можно выделить ряд устойчивых элементов, позволяющих обратиться к сфере внутренних переживаний, взаимоотношению с обществом: родство со стихией воды; выход в мир человека; связь с человеком (любовь, брак, рождение детей); предательство со стороны человека; наличие соперницы, возвращение в родную стихию; прощение человека либо месть человеку [3, с. 124].

Эзотеризм, сопричастность загадочному, таинственному, иррациональному проявляется в связи русалки с природой. Водная дева часто является носительницей тайного знания, скрытого от человека: обладает властью над стихиями, пением и танцами может вызывать бурю или грозу, способна врачевать, предсказывать будущее, принимать вид различных животных, будучи частью стихии, может повелевать силами природы, изменять ее законы.

Сюжет о русалках универсален, так как носит ярко этический характер, иллюстрирует противоборство добра и зла. Особенno устойчив мотив предательства со стороны человека, который разрешается вариативно. Смертная девушка Лорелей претерпевает предательство от мира, сознательно идет на гибель, при соприкосновении с

водной стихией обретает мощь и мстит человеку. Мелозина и Ундине изначально духи воды, испытывают страдания, сталкиваясь с миром человека. Конфликт может быть перенесен в сферу внутренних переживаний героя: страдание от разрушительной силы собственной красоты, несущей гибель.

Хронотипические особенности сюжета о русалках заключаются в наличии и взаимодействии двухмерного пространства: воды и суши, романтический герой либо вырывается в другой хронотоп, либо принадлежит двум разным пространствам одновременно.

Крушение иллюзий проявляется в разрушении идеалистического взгляда на мир при столкновении с человеком: верность в любви, самоотдача оборачиваются разочарованием, жестокостью и местью.

Двоемирие, характерное для эстетики романтизма, проявляется не только в сущностном дуализме русалки (принадлежность двум стихиям), но и в бинарном столкновении сюжетных схем: «космос», гармония, красота, совершенство идеального мира, в котором находится морская дева в начале сюжета, сталкивается с «хаосом», крушением идеалов и мечтаний, иногда заканчиваются гибелью героини. Восстановление идеального мира возможно лишь в другом измерении, например, в подводном мире [3, с. 127]. Подобная сюжетная схема соответствует главному конфликту романтического произведения: столкновение мечты и действительности.

Личностные и социальные проблемы раскрываются при столкновении бинарных оппозиций: жизнь и смерть, вера и предательство, материальное и духовное, суши и водное пространство, реальное и волшебное. В образе водной девы устойчив дуализм любовь-нелюбовь, верность-предательство, прощение- месть. Влюбленный русалки стоит перед выбором материального и духовного мира. Инициация героя проявляется в расстановке приоритетов и конечном выборе. Как правило, герой не проходит проверку на истинность чувств, выбирая материальные блага: выгодную женитьбу, стабильность, отрекаясь от духовного мира: преданности, любви и верности.

Таким образом, сюжеты о русалках пересекаются с константами романтического мировидения: дуализмом эстетического сознания, которое проявляется в различных вариантах двоемирия (онтологическом, сущностном, хронотическом).

Творчество Г.Х. Андерсена аккумулирует идеи общеевропейского процесса развития романтизма: заимствование и творческая переработка фольклорных легенд и преданий

сочетаются с разработкой собственных сюжетов и образов, созданием собственной романтической поэтики.

А.В. Сергеев выделяет два фактора заимствования сюжетов Г.Х. Андерсеном: датский фольклор и немецкая романтическая проза, причем сказочная фантастика Андерсена не мифологична, а аллегорична, сводится к жанру религиозной притчи, а не народной сказки [1, с. 137]. Глубоко индивидуальна авторская концепция двоемирия, выстраивающаяся в соответствии с христианскими ценностями. Оригинальность сюжетов заключается не том, чтобы «переделывать или пересказывать сказки на свой лад», а в том, чтобы сочинять свои собственные: «Теперь я сочиняю из головы, хватаю идею для взрослых и рассказываю для детей, помня, что отец и мать иногда тоже слушают и им тоже надо дать пищу для размышлений» [2, с. 169].

Наиболее ярким и индивидуально-авторским переосмыслением фольклорного сюжета является сказка «Русалочка» (1837). Образ водной девы насыщен дополнительными семами, функционированием и аллюзивным потенциалом.

Образ Русалочки сочетает в себе языческие и христианские константы, в центре повествования сюжет неразделенной любви, невозможности сосуществования земного и инфернального миров.

Обратимся к образу андерсеновской Русалочки. Датский сказочник сохраняет константные характеристики образа русалки, присущие западноевропейской фольклорной традиции: принадлежность к водному ареалу обитания, наличие рыбьего хвоста, в портретной характеристике выделяются красота, длинные волосы, чарующий голос. Модификация образных характеристик проявляется в невозможности русалки появляться на суще, водная дева в сказке Андерсена может выплывать на поверхность воды, не приближаясь к жилищу человека. По достижению пятнадцати лет всем русалкам позволялось всплывать на поверхность моря и любоваться земным миром.

В фольклорной и балладной традиции к психологическим деталям, характеризующим русалку, относятся коварство, жесткость, стремление погубить человека, заманив его на морское дно чарующим пением. В авторской интерпретации доминирующей характеристикой героини становится жертвенная любовь к человеку и стремление обрести бессмертную душу: «Если кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, если отдастся он тебе всем своим сердцем и всеми помыслами и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе и когда-нибудь ты вкусишь вечного блаженства. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою» [2, с. 57]. Поэтому заветной мечтой Русалочки становится не только добиться любви принца, но и обрести человеческую душу, стать человеком по существу. Силы для этого дает любовь.

Становление человека сложно, поэтому так трудно Русалочке пасть к ведьме, так тяжело

расставаться со своим чудесным голосом, так больно, как по лезвию ножа, ходить на обретенных, вместо хвоста, ногах. Самое большое испытание выпадает на ее долю, когда сестры-русалки приносят ей нож: только убив принца, она может спасти себя, снова став русалкой. Обрабатывая народную легенду, Андерсен писал о том, что он изменил в ней: у него «бессмертная душа русалки не зависит от чужого существа, от любви человека. Это определение неверно! Ведь в этом заключается элемент случайности... Я позволил русалке идти более естественным, прекрасным путем». Этот «прекрасный» и «естественный» путь – развитие душевных способностей самой Русалочки [5, с. 191].

Л.Г. Дорофеева указывает на то, что в сказке ставится вопрос о бессмертии души в христианском понимании – как жизни вечной в Царствии Небесном [Дорофеева 2017: 50]. Отсюда хронотопическое изменение сюжета, в мифологических представлениях сюжеты о русалках заключаются в наличии и взаимодействии двухмерного пространства: воды и суши, романтический герой либо вырывается в другой хронотоп, либо принадлежит двум разным пространствам одновременно. В сказке Андерсена мы наблюдаем иерархичное построение троичного пространства: водное царство (владения морского царя и Русалочки), земное царство (жизнь на земле, владения Принца), небесное царство (владение дочерей неба, которые добрыми делами могут заслужить жизнь вечную).

Высшей ценностью для Русалочки становится не земная жизнь с Принцем, стремление стать его женой, а обретение души, поэтому романтический конфликт усложнен: земной мир, высший по отношению к морскому, оказывается переходящим пунктом к миру воздушному, где обитают дочери воздуха. В земном браке и земной любви невозможно было бы достижения неземного блаженства, к которому стремится Русалочка: «Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, с тем чтобы принять потом участие в небесном блаженстве людей» [2, с. 57]. После смерти Русалочка превращается в морскую пену и растворяется в воздухе, соединяясь с воздушными девами. Ей дана возможность заслужить бессмертную душу, творя добро на земле в течение трехсот лет. Таким образом, Андерсен синтезирует мотив «водной/облачной девы», характерный для мифологии, но разрешает его в христианском контексте.

Очеловечиванию Русалочки сопутствует мотив слез. Сначала водная дева не могла плакать, то есть испытывать человеческие эмоции, эта портретная деталь указывает на принадлежность героини к инфернальному миру. В момент наивысшего фабульного напряжения – выбора между собственной жизнью и жизнью возлюбленного, побеждает жертвенная любовь. Слезы становятся важной портретной деталью очеловечивания героини.

В христианской традиции семантика поцелуя амбивалентна. Андерсен снимает амбивалентное

прочтение этого мотива (предательство/благословение), оставляя лучшее смысловое наполнение. Для Русалочки поцелуй оказывается прощальным, это поцелуй любви перед конечным выбором пожертвовать своей жизнью ради жизни возлюбленного.

Модификация образа русалки проявляется в ценностном наполнении понятия «красота». Мифологические русалки бездушно красивы, пленяют и губят своей привлекательной внешностью, заманивают чарующим голосом.

В образе Русалочки отсутствует мотив коварства или пленения, она не может заманить своим чарующим голосом, так как лишилась его в обмен на возможность ходить по земле как люди. Также акцент сосредоточен не на внешней красоте, а на красоте духовной, которая у Андерсена определяется словом «чистота»: «Чистота – лучшая красота!», – так говорит ведьма о Русалочке. Образ невинности и чистоты дополняется портретными деталями: «беленькие маленькие как у ребенка ножки», «беленькое личико», «воздушный танец», сердце, «жаждавшее человеческого блаженства и бессмертной человеческой души» [2, с. 56].

Чистота проявляется в постоянном жертвовании собой: во время кораблекрушения Русалочка спасает Принца с угрозой для жизни, отказывается от семьи ради любимого, идет на невероятные физические муки: навсегда расстается с голосом, соглашается на обретение человеческих

ножек, зная, что каждый шаг будет доставлять невероятную боль. В дальнейшем жертвуя своей жизнью ради жизни и счастья возлюбленного. Духовная красота Русалочки проявляется в умении любить до самоотречения, готовности жертвовать собой ради другого.

Итак, образ Русалочки сочетает себе функционирование мифологических, романтических и индивидуально авторских мотивов, ценностное пространство сказки выстроено в соответствии с христианской аксиологией.

Список литературы:

1. Альбрехт О.В. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер.3 Филология, 2010. Вып.2 (20). С.135-140.
2. Андерсен Г.Х. Сказки. / Пер.с датского.Алма-Ата: Жазушы, 1984. 480 с.
3. Верба Н.И. Источники представлений о морских девах в XIX веке: опыт характеристики // Музыкальная культура глазами молодых ученых. Вып. 6. – СПб.: Астерион, 2011. С.22-24.
4. Дорофеева Л.Г. Христианский контекст сказок Г.Х. Андерсена: к вопросу жанровой специфики. Вестник Балтийского федерального университете им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология, 2017, № 4. С.46-54.
5. Михальская Н.П. История зарубежной литературы XIX века. Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. Яз. и лит.». В 2 ч. Ч.1. 256 с.

ЕДИНСТВО СОДЕРЖАНИЯ И ФОРМЫ В УЗБЕКСКОЙ И КАРАКАЛПАКСКОЙ ПОЭЗИИ

Кабулова Замира Адильбаевна

Каракалпакский государственный университет им. Бердака, доцент (PhD) кафедры узбекского языка и литературы Нукус, Узбекистан

АННОТАЦИЯ

Единство содержания и формы. Сходства в творчестве узбекских и каракалпакских поэтов показаны на примере стихотворений на тему Аральского моря в творчестве Шавката Рахмона и Бахтияра Генжемурада.

Ключевые слова: содержание, форма, Арал, пустыня, пещера, кувшин, чётки.

Наблюдая за современным этапом поэзии, за её тематикой и содержанием, можно заметить, что в ней появляются имена неповторимых талантов, которые резко различаются по выбору темы и художественной формы, способа выражения. Так как в условиях глобализации расширяется круг деятелей искусства, у которых обновляется восприятие и понимание мира. Если рассматривать данное свойство на примере стихотворений, посвященных теме Аральского моря в творчестве узбекского и каракалпакского поэтов Шавката Рахмона и Б. Генжемурада, то можно отметить, что философское стихотворение Шавката Рахмона особенна тем, что оно богато размышлениями, в строках с огромным количеством выразительных средств как символ, метафора, поэту удалось интеллектуально (умственно, научно) проанализировать внутренний источник таинственного существа как человек. А это, кажется, обеспечивает удовлетворение читателя,

посредством близких ему чувств как будто призывает его к самопознанию. Стихотворение Б.Генжемурада также призывает современного читателя к глубоким размышлениям, создаёт впечатление того, что осведомляет человека представлениями о прошлом и будущем, каким бы он ни был, несмотря на его происхождение. Однако, в художественных исследованиях обоих поэтов заметно синкретическое выражение модернистской поэзии в чисто традиционном стихе. В частности, в стихотворении “Оролга (Аралу) ” Шавкат Рахмон пишет:

Оловланиб,
жизиллаб куйган
қумтепалар ичидә Орол
талвасада тұлғониб ётар,
кунлар сайин ахволи хароб.
Теграсида мажусий каби
гир айланар сахрай самум,
түлиб-тұлиб оқар Сирдарё,